

ет для типологов сопоставление между собой этих форм, то в рецензируемой работе содер­жательно идентичные и материально родственные формы различных монгольских языков имеют одинаковые названия во всех очерках.

Подводя итог, можно отметить, что «The Mongolic Languages» является очень удобным и содержащим самые современные сведения справочником по монгольским языкам и вполне может стать настольной книгой для ученых,

занимающихся вопросами монгольского язы­кознания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Handbuch 1964 – N. Poppe et al. Mongolistik. Leiden; Cologne, 1964.

ЯМ 1997 – Языки мира: Монгольские языки. Тунгусо-маньчжурские языки. Японский язык. Корейский язык. М., 1997.

И.А. Грунтов

Т.А. Майсак. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. М.: Языки славянских культур, 2005. 480 с.

Рецензируемая книга состоит из двух нерав­ных по объему (примерно 1 : 4) частей. В первую часть входят три главы, включающие подробное обсуждение теоретических под­ходов к описанию явлений, связываемых с грам­матикализацией. Во второй части, распадаю­щейся на пять глав, автор проводит многосто­ронний анализ выбранных им явлений на обширном типологическом материале. Обеим частям предшествуют короткие пояснения тех­нического характера и введение. За последней главой следуют заключение, два приложения (каталог путей грамматикализации глаголов движения и позиции, а также генетический указатель языков), библиография, занимаю­щая целых 33 страницы, алфавитный указа­тель языков и небольшое резюме на англий­ском языке.

О значимости отраженного в работе Т.А. Майсака исследования свидетельствуют его собственные слова, о том что «распростра­ненность грамматикализации глаголов движе­ния и позиции в языках мира чрезвычайно ши­рока; не так просто обнаружить язык, в котором не существовало бы никакого использования конструкции хотя бы с каким-либо одним из гла­голов движения или позиции для выражения грамматической функции» (с. 413). Кроме того, появление этих глаголов на «входе» того или иного пути грамматикализации давно извест­но и часто упоминалось (см., например [Bybee et al. 1994; Lehmann Ch. 1995: 29–32]). Несмотря на это, до сих пор грамматикализация данных групп глаголов еще не была предметом систе­матического исследования ни в России, ни в западных странах. Насколько мне известно, в ра­боте Т.А. Майсака впервые предпринимается попытка систематической инвентаризации лексических источников таких путей грамма­тикализации и охвата самих путей. Вместе с

тем автор совершенно справедливо замечает, что «в разных языках статус глаголов движе­ния и позиции “на службе у грамматики” мо­жет (...) очень сильно различаться по степени близости к ядру грамматической системы» (с. 413). Такие различия могут оказаться фак­тором, заметно влияющим на выбор исследуе­мого пути грамматикализации, поэтому Т.А. Майсак должным образом учитывает ре­зультаты лексической типологии и описаний глаголов движения и позиции в рамках лекси­ческой семантики (см. ниже о ч. II, гл. 2).

Анализу были подвергнуты глаголы движе­ния ИДТИ/УХОДИТЬ, ПРИХОДИТЬ, ХО­ДИТЬ, ВХОДИТЬ, ВЫХОДИТЬ, ПОДНИ­МАТЬСЯ, СПУСКАТЬСЯ, ПРОХОДИТЬ/ ПЕРЕХОДИТЬ, ВОЗВРАЩАТЬСЯ и пози­ции СТОЯТЬ, СИДЕТЬ, ЛЕЖАТЬ вместе с динамическими вариантами последних ВСТА­ВАТЬ, САДИТЬСЯ, ЛОЖИТЬСЯ (с. 136). Эти «заглавные» лексемы описываются на русском метаязыке, причем автор отдает себе отчет, что в разных языках у них могут суще­ствовать только приблизительные эквивален­ты (с. 119). Именно по этой причине ИДТИ/ УХОДИТЬ и ПРОХОДИТЬ/ПЕРЕХОДИТЬ рассматриваются вместе, а ИДТИ и УХО­ДИТЬ еще также отдельно (см. ч. II, гл. 2). Судя по обсуждению общих методологических вопросов (с. 135–146), автор осознает и пробле­мы, которые связаны с избранным им методом сбора данных по интересующим его глаголам и конструкциям.

Был исследован материал более чем 400 языков из всех языковых семей и ареалов, причем учитывались также изолированные и «контактные» языки (т.е. пиджины и креоль­ские). Автор в основном опирался на описа­тельные грамматики, для более чем 200 язы­ков он привлекал полные грамматики (с. 17).

В выборке из 200 наиболее систематически изученных языков приблизительно в одной трети не нашлось соответствующих примеров на интересующую автора грамматикализацию.

Замечания автора о процессах грамматикализации в условиях языкового контакта, по сути дела, ограничиваются креольскими языками и редкими обобщениями по ареальным «предпочтениям» тех или иных путей грамматикализации. В кратком подразделе, посвященном грамматикализации в условиях языкового контакта (с. 72–76), среди прочих обсуждается и программная статья [Heine, Kuteva 2003], положения которой, однако, на мой взгляд, освещаются недостаточно критически.

Т.А. Майсак последовательно придерживается функционально-типологического подхода, согласно которому исходное значение конструкции, подвергающейся грамматикализации, является решающим (или даже единственным) фактором, определяющим путь и результат этого процесса (ср. «source determination principle» в [Bybee et al. 1994]). Тем самым, внутрисистемные (структурные) требования, вроде заполнения лакун и т.п., в качестве факторов изменения не рассматривались (с. 412).

Часть I сводится к тщательному, местами остроумному обзору подходов к грамматикализации. Прежде всего, автор справедливо подчеркивает, что нельзя говорить о какой-либо единой, интегральной «теории грамматикализации» (с. 30). Во взглядах ведущих в этой области ученых обнаруживается немало противоречий, большая часть из которых, правда, при более пристальном разборе понятий и приводимых в литературе явлений оказывается мнимыми. Ср. обсуждение критики этого направления и самого понятия (с. 68–72). Примечательно, что автор включил в свой обзор также обмен взглядами по электронной почте, проводившийся в 1996 г. по инициативе Ньюмейера в форуме Linguist list. Главным выводом из дискуссий по грамматикализации нужно признать то, что грамматикализацию следует рассматривать «как совокупность процессов, прежде всего на формальном и семантическом уровнях», причем, как отмечается в [van der Auwera 2002: 26], «наиболее интересно как раз то, что некоторые типы формальных изменений имеют тенденцию сопутствовать некоторым типам семантических изменений» (с. 70).

Особо стоит остановиться на удачном обсуждении споров по поводу принципа односторонности. Автор приходит к выводу, что данный принцип не может считаться исключительным для грамматикализации (с. 54 и сл.). Тем более к нему нельзя относиться как к диагностическому критерию. Поэтому удачно сформулирован вопрос (с. 55): «является ли од-

носторонность частью определения грамматикализации, или же это эмпирическая гипотеза, которая может быть опровергнута контрпримерами?» (разрядка автора). В практике обсуждаемый принцип трактуется как часть определения, хотя редко приверженцы «теории грамматикализации» отстаивали этот принцип в его сильной версии. В результате их «можно упрекнуть в нечеткости многих формулировок» и в «эпистемической беззаботности» (выражение В.А. Плушяна), которая и стала основным поводом критики со стороны представителей формальных направлений. Обзор разногласий по поводу деграмматикализации позволяет автору заметить: «Пока еще нет единого мнения о том, что представляет собой “законный” (legitimate) пример деграмматикализации» (с. 62).

Из обсуждения исторических корней исследований в области грамматикализации в СССР, обсужденных в части I, главе 1.3 (с. 30–36), можно извлечь вывод, что исследователи 1960–1970 гг., писавшие о грамматикализации, чересчур сосредоточивались на «парадигматизации», причем в первую очередь аналитических конструкций (напр., в германских и романских языках). Такой процесс как раз касается в большой мере тех явлений, которым Т.А. Майсак посвятил свое собственное исследование (см. ниже, часть II, глава 4). По сути дела, эта часть его обзора дополняет обзор, представленный в статье [Wiemer 2003], где обращается внимание на те же особенности названного направления в период практически нераздельного господства структурализма.

Заметим, что автор упоминает о «принципе коэволюции значения и формы» (по Байби и др., с. 53 и сл.), но не упоминает о критике, которой подвергался этот принцип, например в [Bisang 2004]. Только умеренно критически оценивается труд [Heine et al. 1991], в котором преувеличенное значение приписывалось «метафорическим скачкам» (с. 27). Правда, Т.А. Майсак указывает на то, что метафорический перенос характерен для лексических изменений, которые могут произойти до процесса грамматикализации, но в любом случае происходят независимо от него (с. 41–43); ср. его примеры на «грамматикализацию через стадию лексикализации» (с. 66–67). Но он оставляет открытым вопрос о том, как оценить «удельный вес» предполагаемых Хайне и его соавторами метафорических переносов («макроструктуру» грамматикализации) по сравнению с метонимическими сдвигами («микроструктурой»). На самом деле, из уточнения автором роли метафоры (в начале процесса и независимо от него) становится ясным, что говорить о «макроструктуре» некорректно, по-

сколькo это понятие оказывается не более чем артефактом лингвистов-аналитиков.

В части II термины «глаголы движения» и «глаголы перемещения» употребляются как синонимы. Анализу подвергаются главным образом непереходные глаголы перемещения в узком смысле слова (= англ. *verbs of displacement, directional verbs*) (с. 102). Далее (с. 102–109) обсуждается типология Л. Талми, продолженная Д. Слобином и различающая «глагольный тип» (напр., романские языки), «сателлитный тип» (основная масса индоевропейских языков, финно-угорские языки и др.) и «экви-полентный тип» (напр., языки Западной Африки, Юго-Восточной Азии). Существуют и промежуточные типы. Выделяются 'субъект движения' (= *figure, trajector*), 'маршрут/путь' (= *path*) и 'объект-ориентир/фон' (= *ground, landmark*). Вслед за этим Т.А. Майсак дает обзор по исследованиям лексической семантики глаголов движения. От собственно лексической семантики следует отличать выражение разных аспектов движения в рамках более крупных синтаксических групп (клауз и т.п.). Вообще во всей работе должным образом подчеркивается роль конструкций, без учета которых нельзя описать адекватно развитие грамматических морфем из автономных лексем (см. особенно с. 267, 279, 403–405 и с. 418 и сл.).

В первую очередь контрастивное изучение лексической семантики основных глаголов направленного движения (ИДТИ, ПРИХОДИТЬ, ср. англ. *come vs. go*) выявило ряд асимметричных отношений; такие глаголы часто нельзя охарактеризовать как (эквиполентные) антонимы (с. 112–115). Позже автор отмечает: «"Расширенное" локативное использование глаголов позиции и их превращение в бытийные глаголы является промежуточным случаем между чисто лексическим развитием глагольного значения и его грамматикализацией» (с. 252). Часто такое расширение является исходной точкой для грамматикализации. Поэтому скорее всего неслучаен, например, тот факт, что «набор языков с расширенным локативным использованием глаголов позиции и языков с глаголами позиции в составе имперфективных конструкций в значительной степени пересекается» (с. 268).

Эквивалентами глаголов, обозначающих способ и/или направление движения, являются позиционные глаголы СТОЯТЬ, СИДЕТЬ, ЛЕЖАТЬ (с. 121). В 1.2 обращается внимание на различную сочетаемость глаголов позиции в зависимости от названий их субъектных актантов. Особенно широкая сочетаемость одного из этих глаголов может превратить его в чисто бытийный глагол (с. 252 и сл.). При этом языки можно разместить на шкале, располага-

ющей общее выражение идеи бытия или местонахождения субъекта на одном полюсе, а подчеркивание способов нахождения в пространстве – на другом; к первому полюсу близок английский язык, к другому – русский (с. 253 и сл.). Любопытно также то, что глаголы позиции в разных языках обладают различным диапазоном расширенных употреблений базовых глаголов (с. 129–135). К сожалению, из дальнейшего не становится ясным, как такие наблюдения соотносятся с результатами анализа Т.А. Майсака.

Структура второй, аналитической части книги такова: сначала исследуются отдельные значения исходных лексем, приведенных выше (главы 2–3); глава 4 специально отводится «аналитической перфективации», т.е. одному из типов сложных сказуемых (*complex predicates*), о чем см. ниже. Затем весь материал из глав 2–3 рассматривается с противоположной, ономаσιологической стороны, т.е. исходя из грамматических категорий (временных, аспектуальных, модальных), для выражения которых в разных стадиях грамматикализации служат глаголы движения и позиции или морфемы, восходящие к ним (глава 5). Закрывая главу 2, Т.А. Майсак особое внимание уделяет удвоенным конструкциям с глаголами движения, которые в основном служат для выражения глагольной множественности и реципрокальных значений (с. 250–251).

В области глаголов позиции в литературе до сих пор широко изучались два случая: (а) глаголы позиции в качестве нейтральных локативных или бытийных глаголов, (б) превращение глаголов позиции в аспектуальные показатели с имперфективным значением (с. 252). Т.А. Майсак дополняет эти уже достаточно хорошо известные пути более периферийными случаями, которые он старается охватить по возможности исчерпывающим образом. Аналогично, как мы помним, был устроен и раздел о глаголах движения. Описывается также развитие глаголов позиции в показатели «позиционной ориентации» (с. 272 и сл.) и вербализаторы, в пространственные показатели, в артикли или демонстративы (с. 279 и сл., 287, 292).

Специально следует остановиться на главе 4 (об «аналитической перфективации»), в которой явления грамматикализации глаголов движения особенно тесно соприкасаются с рядом аспектологических вопросов. После вводных замечаний о разных типах видовых систем (с. 294–297) более подробно сопоставляется основная система романского типа ([± лимитативность]) и славянский вид, который, по мнению Т.А. Майсака, в конечном счете строится на противопоставлении по признаку ([± пре-

дельность]). В этом месте следовало бы уточнить, что в функциональном отношении оппозиция славянского вида на самом деле сводится к признаку [\pm целостность], а предельность можно признать лишь ее диахронически исходной точкой. Однако как раз в этом признаке и проявляется параллель с развитием видовых маркеров из глаголов движения; это становится ясным и из изложения самого Т.А. Майсака. Полезно было бы здесь учесть работы В. Броя, которые непосредственно касаются интересующих автора сопоставлений в типологическом ракурсе (например [Брой 1998; Brey 2000]). В связи с этим особого внимания заслуживает следующий вывод Т.А. Майсака: «явление “аналитической перфективации” (...) обнаруживает сходство именно с перфективностью “славянского типа”» (с. 297), т.е. с лексически выраженной предельностью (а не с лимитативностью); см. также с. 326 и сл. Такой вывод в принципе естествен, поскольку можно ожидать, что словообразовательный способ формирования видовых оппозиций, который свойствен как раз славянским языкам, с лексическим значением соответствующих основ взаимодействует теснее, чем флективный способ обозначения видовых противопоставлений, представленный в романских языках. В данной соотнесенности категориальной семантики видовой оппозиции и формальных (морфологических) способов ее выражения в известном смысле можно усмотреть проявление иконического соответствия между формой и содержанием.

Поскольку славянская видовая оппозиция заодно проявляет и свойства классифицирующей категории (о сочетании и «совместимости» словообразовательного и классифицирующего характера некоторых грамматических категорий, в частности вида славянского типа, см. [Вимер 2006]), очень уместными оказываются замечания Т.А. Майсака о параллелях между семантикой и поведением глаголов-модификаторов, вошедших в его богатую типологическую базу данных, и роли перфективирующих приставок в славянских языках (с. 321–325).

Процессы перфективации анализируются сначала на современном и диахронном материале языков Европы, включая кавказские (с. 297–305), а затем исследуются на основе аналитических перфективных конструкций с глаголами движения в остальных языках, сгруппированных по семьям (с. 305–320). На деле и здесь учитываются также аффиксальные средства, восходящие к глаголам движения (напр. в хакасском языке, с. 310). В целом «перфективаторы» характеризуются ограничениями на лексическую сочетаемость. В этом

смысле очень удачным нужно признать сравнение функций превербов и вспомогательных глаголов с функциями именных классификаторов (с. 339–345).

Т.А. Майсак разумно отграничивает чисто акциональную перфективацию от грамматической оппозиции (им)перфективности. Как правило, этот процесс происходит с помощью приставок, и лишь в славянских языках такой процесс грамматикализации близок к завершению. Системы перфективирующих («телисизирующих») аффиксов или вспомогательных глаголов сами по себе не создают видовые системы (наподобие русской оппозиции СВ : НСВ) (с. 325–330). Против такого «уравнения» говорят часто наблюдаемые ограничения в лексической сочетаемости и то, что «практически во всех рассмотренных языках с системами аналитической перфективации имеются и вполне “прототипические” показатели перфективности и имперфективности, причем, как правило, простые и сложные глаголы одинаково свободно сочетаются с ними» (с. 327).

Для того чтобы определять грамматический (vs. лексический) статус перфективаторов, Т.А. Майсак руководствуется следующими критериями (с. 331–339): (а) ростом лексической сочетаемости, (б) уменьшением ограничений грамматического/синтаксического контекста (напр., утвердительное vs. отрицательное предложение), (в) ростом общей частотности в текстах, (г) парадигматизацией (следствием которой часто является семиотизация нулевого показателя, приобретающего статус грамлеммы имперфективности).

Подобно многим другим русским исследователям последних 10–15 лет, Т.А. Майсак для обозначения грамматического вида применяет английский термин ‘аспект’ (aspect), хотя в этом нет никакой нужды (напр., с. 302, 365, 370). В то же время, понятно, почему автор не затронул ряд более частных аспектологических вопросов, например, детали процесса, приведшего к возникновению видовой системы славянского типа. Однако, на мой взгляд, его по существу очень тщательный анализ было бы уместно дополнить работами тех аспектологов, подходы которых опираются на модели взаимодействия видовых грамем с акциональными классами глаголов. Кроме уже упомянутых работ В. Броя и цитируемых самим Т.А. Майсаком статей С.Г. Татевосова, ср. в первую очередь [Lehmann V. 1999], а также великолепный обзор [Sasse 2002], в котором такого типа теории объединяются под названием «radical selection theories» [Там же: 222 и сл.].

По отношению к так наз. «light verbs» (напр., в хинди/урду) Т.А. Майсак присоединяется к критической точке зрения, высказывае-

мой в ряде работ М. Батт (ср., например [Butt, Geuder 2003]). Согласно этой точке зрения «легкие глаголы» занимают промежуточную позицию между полнозначными и вспомогательными глаголами; у них отсутствует целый комплекс признаков, обычно приписываемых морфологизируемому в ходе грамматикализации единицам (с. 336–338).

Глава 5 дополняет таксономически ориентированные главы 2–3 своим объяснительным характером. Ее структура основана на классификации грамматических и концептуальных областей, т.е. изложение организовано по временным, аспектуальным, модальным категориям, а также по залоговым и актантно-деривационным, сравнительным, целевым и т.п. конструкциям. Отдельно обсуждаются случаи использования глаголов движения в качестве модификаторов именной группы, именных классификаторов, вербализаторов, демонстративов и прочих служебных морфем (с. 386–389). Учитываются также другие глаголы, служащие источниками для грамматикализации в названных концептуальных областях (см. особенно с. 415 и сл.). Это, однако, делается скорее попутно, а не систематически.

В данной главе также показывается, что глаголы движения особенно часто используются для выражения темпоральных отношений и гораздо реже – для модальных и других глагольных категорий (с. 348 и сл.). В свою очередь, среди темпоральных функций явно преобладают аспектуальные значения, которые весьма редко утрачиваются полностью, так что в целом конструкции с изучаемыми автором глаголами только изредка развиваются в показатели времени (см. ниже общие выводы). К исключениям относится распространенный переход имперфективной конструкции с СТОЯТЬ в показатель настоящего времени. Но такое развитие все равно следует расценивать как вторичное семантическое расширение на базе исходной аспектуальной конструкции (с. 275; аналогично и для СИДЕТЬ, с. 290).

Далее, автор не высказывается однозначно по поводу того, каков характер семантических (и концептуальных) изменений, лежащих в основе рассматриваемых им процессов грамматикализации. Тем не менее, он в конечном итоге склоняется к той точке зрения, согласно которой в этих процессах главную роль играет метафорический перенос пространственных понятий (ср., например, с. 360). Между тем, он упускает из виду аргументы в пользу того, что связь между временными и пространственными понятиями адекватнее описывать с помощью метонимических переносов (ср., например [Anstatt 1996]). Сходным образом, Т.А. Майсак указывает на фазисную семантику ('начало')

таких русских глаголов как *подняться* (*Поднялся шум* и т.п.), расценивая их фазисность как проявление метафорического переноса (с. 374). Однако он тут же отмечает, что «такая концептуализация [движение вверх → начало действия. – Б.В.] может быть связана (...) с тем, что зарождение многих ситуаций сопровождается перемещением ее субъекта или объекта вверх, “от земли” как главной естественной опоры (ср. *огонь вспыхнул* ≈ ‘огни пламени [sic!, т.е. пламя огня. – Б.В.] взметнулись вверх’ (...))». Нельзя не заметить, что за этим стоит метонимический перенос! Неизвестно, какую долю занимают в материале автора такого рода случаи. Но гипотеза о метафорической природе переносов временных значений (концептов) из области пространства по-прежнему остается по меньшей мере недоказанной.

Не только в отношении русского языка, но и для более общей методологии интересны замечания автора по поводу конструкции *пойти* + инф. (с. 372). Ее он признает «в целом вполне» грамматикализовавшейся (см. также с. 411). Следует, однако, оговориться, что В.С. Храковский [1987: 169], на которого он ссылается, отмечал, что *пойти* не сочетается с глаголами однонаправленного движения (**Пошел лететь* и т.п.). Такое ограничение обусловливается исходным лексическим значением *пойти*, а это как раз уменьшает ее степень грамматикализации по признаку (а) из параметров грамматикализации, принятых самим Т.А. Майсаком (см. выше). Кроме того, в данном случае еще следовало бы учесть, что глаголы движения (которые создавали бы сложные предикаты с *пойти*) в славянских языках в морфологическом, категориальном и семантическом отношениях часто ведут себя иначе, чем остальные глаголы. Поэтому пример с *пойти* + инф. поучителен также в том смысле, что пришлось бы сначала убедиться в том, не коренятся ли сочетаемостные ограничения *пойти* в этой конструкции в семантике однонаправленных глаголов, а не в самом *пойти*. Можно предполагать, что подобные предостережения необходимо было бы соблюдать и по отношению ко многим другим случаям, обсуждаемым Т.А. Майсаком. Правда, эту проблему он вполне осознает, так что можно лишь констатировать, что в затронутом им материале остается открытым множество частных вопросов, касающихся того, каким образом семантика грамматикализуемых глаголов взаимодействует со свойствами остальных элементов соответствующих конструкций.

Пассивные конструкции обсуждаются автором лишь вкратце (с. 382 и сл.). Видимо, в целом таких случаев нашлось совсем немного. Как показатели в рамках пассивных конструк-

ций выступают глаголы ИДТИ/УХОДИТЬ и ПРИХОДИТЬ, и то в основном лишь в индоиранских языках (кроме них еще в итальянском и мальтийском). Жаль, что автор обходит молчанием глагол ОСТАВАТЬСЯ (сам по себе он близок к позиционным), который в ряде языков (в том числе в Европе) превратился во вспомогательный глагол в пассивной конструкции – например, в немецком, шведском, польском и в некоторых романских (см. [Weiss 1982; Вимер 1998; Wiemer 2004]). Для этих случаев замечательно как раз взаимодействие между изменением акциональной семантики исходного глагола (сдвиг значения ‘оставаться’ → ‘становиться’) и результативных по сути дела причастий (типа славянских на *-n/m-*); на примере польского *zostać* см. анализ в [Wiemer 2004: 298–304]. Притом подобному взаимодействию Т.А. Майсак в общем и целом уделяет достаточно много внимания (см. выше).

Итог разнообразию и повторяемости путей грамматикализации Т.А. Майсак подводит в виде двух таблиц, помещенных на с. 392–394. Читаются они очень удобно. Бросается в глаза, что глаголы со значением ИДТИ/УХОДИТЬ и ПРИХОДИТЬ при заметном отрыве от всех остальных типов глаголов по всем параметрам занимают первые места: по числу языков и путей, а также по полиграмматикализации (т.е. повторной грамматикализации той же единицы в данном языке). Из глобальных выводов, сформулированных автором, стоит привести по крайней мере следующие:

1. «(...) если в языке грамматикализованы какие-либо из неосновных двух глаголов движения [т.е. ИДТИ/УХОДИТЬ и ПРИХОДИТЬ], то и основные глаголы грамматикализованы». Нужна оговорка, что эта закономерность не абсолютна.
2. Среди глаголов позиции подобной закономерности не наблюдается, т.е. каждый из них может подвергнуться грамматикализации независимо от остальных двух. Тем не менее между ними можно установить следующий «рейтинг» по частотности грамматикализации: СИДЕТЬ > СТОЯТЬ > ЛЕЖАТЬ (с. 396 и сл.).
3. Результаты грамматикализации глаголов движения и позиции чаще всего касаются глагольных категорий, среди которых преобладают аспектуальные. У глаголов движения пути развития оказываются весьма разнородными, в то время как глаголы позиции более однородны: их основным путем грамматикализации является превращение в имперфективный показатель. С ними сближается ХОДИТЬ, т.е. единственный из глаголов

движения, который обозначает разнонаправленное (или повторное) движение (с. 397–398)¹.

4. В целом глаголы движения грамматикализируются заметно чаще, чем глаголы позиции. Исключения представляют некоторые австралийские и африканские языки (с. 401).

Главу 5 заканчивает хорошо продуманная аргументация в пользу мотивированности языковых изменений, в частности тех, которые можно подвести под понятие грамматикализации. По мнению автора, грамматические изменения нельзя предсказать, а можно только объяснить их постфактум – например, с помощью исходного значения грамматикализуемой конструкции и исходного лексического значения ее стержневого глагола или аффикса (с. 406–412).

Монография Т.А. Майсака несомненно должна стать настольной книгой для всех, кто интересуется грамматикализацией выбранных им лексических групп глаголов. Богатый материал, вошедший в ее вторую, главную часть, подается в хорошо структурированном виде и с достаточным количеством перекрестных ссылок, а часть I является превосходно построенным обсуждением «теории грамматикализации» (содержащим много метких наблюдений самого автора), которое можно считать наиболее полным на русском языке после появления статьи [Плунгян 1998]. К тому же книга содержит подробную библиографию и информативный указатель анализируемых языков (= приложение 2), а основные выводы исследования достаточно легко доступны благодаря упомянутым выше таблицам и комментариям к ним. Приложением 1 по сути дела можно пользоваться как уточнением и дополнением к известному «лексикону грамматикализации» [Heine, Kuteva 2002].

В авторском тексте нередко попадаются опечатки, но они не затрудняют чтение. Конечно, при столь обширном материале о возможных неточностях в примерах и строках морфологического разбора судить трудно (небольшая опшибка встретилась в одном литовском глаголе на с. 244: должно быть *praėjus* < *praeiti*). Однако иногда мешает переменная по-

¹ Эти выводы подводят к еще более общему выводу (не сформулированному автором), что в исходной лексической семантике рассматриваемых глаголов главным семантическим компонентом, сохраняющимся в процессе грамматикализации, является признак [± предельность].

дача примеров то в кириллической, то в латинской графике; для облегчения восприятия была бы желательна унификация.

В целом книга Т.А. Майсака заслуживает пристального внимания как в России, так и за ее пределами, со стороны как типологов, так и специалистов по грамматикализации, языковым изменениям и взаимодействию между глагольными категориями и лексической семантикой глаголов. В этих областях лингвистики ее обойти будет нельзя, в то время как ее вклад в вопросы ареальной лингвистики и роли языковых контактов в изменениях лингвистической структуры по понятным причинам остается гораздо более скромным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Брой 1998 – В. Брой. Сопоставление славянского глагольного вида и вида романского типа (аорист : имперфект : перфект) на основе взаимодействия с лексикой // Типология вида – проблемы, поиски, решения/Отв. ред. М.Ю. Черткова. М., 1998.
- Вимер 1998 – Б. Вимер. Пути грамматикализации инхоативных связей (на примере русского, польского и литовского языков). // М. Giger, T. Menzel, B. Wiemer (Hrsg.). *Lexikologie und Sprachveränderung in der Slavia*. Oldenburg, 1998.
- Вимер 2006 – Б. Вимер. О разграничении грамматических и лексических противопоставлений в глагольном словообразовании, или: чему могут научиться аспектологи на примере *ся*-глаголов? // V. Lehmann (ed.). *Семантика и структура славянского вида*. IV. München, 2006.
- Плунгян 1998 – В.А. Плунгян. Проблемы грамматического значения в современных морфологических теориях (обзор) // Семантика и информатика. 1998. 36.
- Храковский 1987 – В.С. Храковский. Фазовость // Теория функциональной грамматики. Т. 1: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис / Отв. ред. А.В. Бондарко. Л., 1987.
- Anstatt 1996 – T. Anstatt. 'Zeit' – Motivierungen und Strukturen der Bedeutungen von Zeitbezeichnungen in slavischen und anderen Sprachen. München, 1996.
- Bisang 2004 – W. Bisang. Grammaticalization without coevolution of form and meaning: The case of tense-aspect-modality in East and mainland Southeast Asia // W. Bisang, N.P. Himmelmann, B. Wiemer (eds.). *What makes grammaticalization? A look from its fringes and its components*. Berlin; New York, 2004.
- Breu 2000 – W. Breu. Zur Position des Slavischen in einer Typologie des Verbalaspekts (Form, Funktion, Ebenenhierarchie und lexikalische Interaktion) // W. Breu (Hrsg.). *Probleme der Interaktion von Lexik und Aspekt (ILA)*. Tübingen, 2000.
- Butt, Geuder 2003 – M. Butt, W. Geuder. Light verbs in Urdu and grammaticalization // R. Eckardt, K. Von Heusinger, Chr. Schwarze (eds.). *Words in time. Diachronic semantics from different points of view*. Berlin; New York, 2003.
- Bybee et al. 1994 – J. Bybee, R. Perkins, W. Pagliuca. *The evolution of grammar (Tense, aspect, and modality in the languages of the world)*. Chicago; London, 1994.
- Heine et al. 1991 – B. Heine, U. Claudi, F. Hünnemeyer. *Grammaticalization (A conceptual framework)*. Chicago; London, 1991.
- Heine, Kuteva 2002 – B. Heine, T. Kuteva. *World lexicon of grammaticalization*. Cambridge, 2002.
- Heine, Kuteva 2003 – B. Heine, T. Kuteva. On contact-induced grammaticalization // *Studies in language*. 2003. 27, 3.
- Lehmann Chr. 1995 – Chr. Lehmann. *Thoughts on grammaticalization*. München; Newcastle, 1995.
- Lehmann V. 1999 – V. Lehmann. *Aspekt* // H. Jachnow (Hrsg.). *Handbuch der sprachwissenschaftlichen Russistik und ihrer Grenzdisziplinen*. Wiesbaden, 1999.
- Sasse 2002 – H.-J. Sasse. Recent activity in the theory of aspect: Accomplishments, achievements, or just non-progressive state? // *Linguistic typology*. 2002. 6, 2.
- van der Auwera 2002 – J. van der Auwera. More thoughts on degrammaticalization // I. Wischer, G. Diewald (eds.). *New reflections on grammaticalization*. Amsterdam; Philadelphia, 2002.
- Weiss 1982 – D. Weiss. Deutsch-polnische Lehnbeziehungen im Bereich der Passivbildung // E. Reißner (Hrsg.). *Literatur- und Sprachentwicklung in Osteuropa im 20. Jahrhundert*. Berlin, 1982.
- Wiemer 2003 – B. Wiemer. Grammatische Kategorien und Grammatikalisierung in der Forschung der Sowjetunion und Polens: Beitrag zu einem bislang nicht aufgearbeiteten wissenschaftsgeschichtlichen Kapitel // *Zeitschrift für Slawistik*. 2003. 48, 1.
- Wiemer 2004 – B. Wiemer. The evolution of passives as grammatical constructions in Northern Slavic and Baltic languages // W. Bisang, N.P. Himmelmann, B. Wiemer (eds.). *What makes grammaticalization? A look from its fringes and its components*. Berlin; New York, 2004.

Б. Вимер